

Марсо М.

16/IV-87

Марсель Марсо.

6 АПР 1987

ИЗВЕЩЕНИЕ РОССИИ
А. Мюссина

«В ПАНТОМИМЕ ЛГАТЬ НЕЛЬЗЯ»

«Удивительно — он не говорит ни слова, а все понятно. После того как во время московских гастролей я побывал на спектакле Марселя Марсо, я стал преданным поклонником его творчества. Не могли бы вы рассказать об этом выдающемся артисте.

А. ПЕТРУШИН.

Ленинград.

Американский журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт» поместил беседу с французским мимом Марселем Марсо, которую мы и предлагаем вашему вниманию:

«На самом деле я люблю говорить. Слова выражают чувства и создают образы, а образы дают возможность понимать людей — так создается философия. К сожалению, с помощью слов можно также лгать. В пантомиме лгать нельзя. Надо играть обдуманно и искренне. В пантомиме зритель воспринимает действия быстрее, потому что в пантомиме нет слов. Пантомима напоминает аромат цветов — наблюдая ее, вы как бы вдыхаете запахи жизни — и

тонкие, и грубые. А публика в своем сознании должна воссоздавать слова, которые слышатся ей в молчании.

Я использую молчание для того, чтобы публика почувствовала глубину, законы и музыкальность нашего искусства.

Я всегда сочетаю его с комическим, поскольку сила молчания особенно ощущается в сочетании с комическими жестами. Но музыка и молчание также замечательно сочетаются, поскольку музыка создается в молчании, а молчание наполнено музыкой. Музыка играет большую роль в лирических и трагических моментах, поскольку она создает настроение, рисует характеры, будит воспоминания. В сценах, которые я называл «Бип совершает самоубийство», мелодия — это память о женщине, которую он любил. В «Бабочке» я использую классическую гитару; с помощью музыки я передаю тревожащую жизнь.

Пантомима возникла в Греции, затем перекочевала в Рим, где превратилась в цирковое искусство, а затем исчезла, поскольку упадок Рима повлек за собой также и упадок пантомимы. Смеялись ли они над тем же, над чем смеялись мы? Я уверен, что римляне смеялись над человеком, поскольку живущим на банановой кожуре. Меняется техника, меняется философия, но человек по-прежнему смертен. И даже если меняется стиль, люди смеются и плачут все над тем же. Пантомима возродилась в итальянской «комедии дель арте» в XVI веке, а

впоследствии возникла в английском мюзик-холле, великую традицию которого Чарли Чаплин и Бастер Китон перенесли в американские немые фильмы. Но возрождение пантомимы в ее чистом виде произошло во Франции. Оно возникло в театре XIX века с появлением Пьеро с набеленным лицом и других героев. Это театр абсолютного безмолвия.

Мое настоящее имя Марсель Манжель, я родился в Страсбурге в семье, которую мы называем «простой». Мой отец — выходец из Польши — был мясником и замечательным человеком. В его семье были музыканты и танцоры, а сам он хотел быть певцом. Моя мать тоже была очень артистична. Мне было всего 15 лет, когда началась война. Мы отправились в Перигё, на юго-западе страны, где мой брат Аллен и я присоединились к французскому подполью. В феврале 1944 года моего отца отправили в Освенцим, и больше мы его не видели. Гестапо разыскивало и нас. Впоследствии я пробрался в Париж.

Я хотел стать говорящим актером. Сразу после освобождения Парижа в августе 1944 года я начал учиться в «Театре Сары Бернар». Затем я поступил в Первую французскую армию и прошел с ней по Германии до конца войны.

В 1946 году я возобновил занятия драматическим искусством в Париже. В те дни при изучении драматического искусства пантомима уделялось незначительное место, как и фехтованию. Большинство ак-

теров считали пантомиму слишком утомительной. Но меня она захватила. Со временем я создал собственную мимическую труппу. Нас было всего трое или четверо, но мы были единственной мимической труппой в мире. Это стало подлинным началом возрождения пантомимы. Примерно в 1947 году в постановке на сцене «Театр де поп» в Париже я создал образ Бипа. В последующие годы я поставил 26 мимических драм — это были целые спектакли-пантомимы.

Однажды в кинематографическом журнале кто-то написал, что, если бы кинематограф не был изобретен, Чаплин стал бы Марселем Марсо своего времени. Он действительно был моим творческим отцом. В детстве большое впечатление на меня произвели Стэн Лаурель, Бастер Китон, но особенно — Чаплин. Наконец, я встретился с Чаплином в 1967 году, когда ему было 78 лет. Это было в парижском аэропорту. Я рассказал ему, что в своих американских сценах я отдавал дань уважения великому немому кино, и тут начал изображать Чаплина. Вдруг он пошел рядом со мной — мы оба стали изображать Чаплина посреди аэропорта! Со мной был кинооператор, но я сказал ему: «Не снимай, а то Чаплин подумает, что я использую его для саморекламы, и все будет испорчено». До сих пор я жалею об этом. Эти кадры стали для замечательной памятью.

Мой Бип, как и бродяга

Чаплина, смертен. Невозможно быть смешным или трагичным, не добившись контакта со зрителем, не выразив своей социальной позиции, например, как это сделал Чаплин, играя пекаря или фабричного рабочего. В дни моей молодости, когда мы наивно считали, что техника победила насилие и мы добились мира во всем мире, Бип гонялся за бабочками и пытался стать укротителем львов. Но сегодня Бип участвует в современной жизни. Я создал новую пантомиму, которая возвращает меня в детство, в дни войны, дни преследований во времена жестокости, которая возродилась вновь в виде терроризма. В ней Бип — фабричный рабочий, пытающийся справиться с выпущенной из-под контроля техникой, как Чаплин в «Новых временах». Неожиданно оказывается, что он сражается против компьютеров, против мира, в котором он чувствует себя чужим. Техника начинает господствовать над человеком. Ядерная угроза — это не просто бомбы, она многолика. И вот человек возвращается в эпоху обезьян, и обезьяна, не ведая, что творит, берет два камня и бессознательно ударяет ими друг друга — и внезапно вспыхивает огонь. И благодаря огню эволюция начинается вновь, и вновь появляется человек. Но чем дальше он движется вперед, тем больше он отстает — потому что не находит себе места в океане времени. Я говорю об этом без пессимизма. Исчезают цивили-

зации, но человек возвращается. С каждой смертью мы возрождаемся вновь.

Я уделяю своей школе все свободное время. Она существует на средства, предоставляемые городскими властями Парижа, и по трехлетней программе обучаются 70 студентов из 26 стран. Кроме того, каждое лето я провожу двухнедельный семинар мимов в Центре исполнительских искусств в Анн-Арборе в штате Мичиган. Я надеюсь, что мы сможем превратить его в полноценный центр мировой пантомимы. Это стало бы моим наследием Америке, которая с тех пор, как я впервые приехал сюда в 1955 году с мимическим спектаклем, стала для меня второй родиной. Американцы очень открытый народ, и они любят зрелища. Исторический опыт Америки отличается от всего остального мира. У вас были свои войны, и ваши сыновья находились вдали от дома. Но вы не пережили пятилетней оккупации, у порога вашего дома не было того, что было у нас, это совсем другое дело. Память — это то, что вы видели собственными глазами в детстве, а не то, что видели по телевидению и что вы забудете через шесть месяцев.

Когда пару лет назад я был на гастролях в Москве, у меня случилось прободение язвы, и меня оперировали. Я поправился через четыре месяца, но теперь я острее ощущаю хрупкость жизни. Я хочу лелеять жизнь, как лелеют цветы, оберегая ее хрупкость и красоту.